
Маршруты Чокана

*Курманбаев Е.А.,
журналист, киносценарист,
г. Алматы, Республика Казахстан*

В обзоре жизни и деятельности Чокана Валиханова (1835–1865) – казахского этнографа, лингвиста, географа, историка, филолога, друга Ф.М. Достоевского, отмечен его вклад исследование китайской Кашгарии, показаны сложные перипетии межкультурных взаимодействий в Евразии в XIX веке

Ключевые слова: путешествие, российская дипломатия, разведка, казахи, Китай.

The article reviews the life and activities of Chokan Valikhanov (1835–1865) – the Kazakh ethnographer, linguist, geographer, historian, philologist and a friend of Fyodor Dostoevsky, – and appreciates his contribution to investigating Chinese Kashgaria. The complexities of cross cultural relations in the XIX-th century Europe and Asia are given a thorough look in.

Key words: travel, Russian diplomacy, intelligence, Kazakhs, China.

В казахской истории, возможно, не было другой такой одаренной личности, как Чокан Валиханов. В нем немыслимым образом соединились гениальный ум, дар исследователя, особая казахская чувственность и высокий дух предков. Любое прикосновение к его пламенной судьбе оставляет в нашем

сердце след, подобный ожогу от испепеляющего жара звезды.

Все в жизни Чокана вызывает изумление. Он прожил лишь 29 лет. Оставил тома трудов, восхищающих глубиной мысли, совершенством стиля, энциклопедической широтой. Нам остается только мечтать написать нечто подобное. А он это делал легко и непринужденно.

По заданию российского правительства кадровый офицер-разведчик Чокан Валиханов в 1858–59 годах совершил рискованное путешествие в Кашгар. Мы сегодня признаем его выдающимся этнографом, лингвистом, географом, историком, филологом, забывая порой о том, что он был одним из первых проводников русской культуры в казахскую степь. Кочевые казахи почти инстинктивно сторонились Чокана, носителя чуждой культуры, которая сулила одни неприятности. И не удивительно, что долгое время его больше чтили в русской среде, а при советской власти так вообще возвели на немыслимый пьедестал, превратив в «революционного демократа» и в символ дружбы русского и казахского народов. Не умаляя заслуг Чокана на этом поприще, добавим, что он оказался по духу гораздо большим казахом, чем те, кто упрекал его в излишней привязанности к русской культуре. Более того, Чокан и сегодня помогает нам удерживать угасающую казахскую традицию.

Есть еще одно поразительное свойство Чокана. Каждый, кто погружается в его работы, тексты, в его судьбу, вдруг начинает ощущать духовное с ним родство. Мысли, наблюдения и переживания Чокана предстают потрясающими откровениями, а его жизненная драма

кажется точным повторением извечного драматизма нашей судьбы. Мы спорим с Чоканом, как с современником, сравниваем его жизнь со своей, находим в ней свое отражение. Его судьба — кристально чистая и ясная, и в то же время сложная и трагическая — помогает нам жить.

Взлет к знаниям

Чокан Валиханов родился в 1835 году в местности Кунтимес [1, с.9] близ Кушмурунской крепости, в самом сердце казахской степи. Его отец, султан Чингис Валиев, внук хана Аблая, был старшим султаном Кушмурунского, а затем Кокчетавского округов. Выше в то время административных должностей в степи не было.

Чокан рос, как и подобает потомку Чингисхана, в особой среде. Его не столько баловали, сколько учили мужеству, терпению и умению держаться в седле. Когда ему исполнилось 12 лет, султан Чингис, окончивший в свое время Омское войсковое училище, устроил сына в Омский кадетский корпус, лучшее в то время учебное заведение в Сибири.

Чокан поступил в училище, ни слова не зная по-русски, он только рисовал карандашом. Привыкший к распорядку жизни в степи, вставал с постели последним. По словам его друга Григория Потанина [2, с.352], будить Чокана нужно было осторожно, в противном случае он вскакивал как угорелый и кидал в товарища сапогом.

Однако развивался Чокан быстро, опережая сверстников. Вскоре он уже знал русский язык в совершенстве и с поразительной восприимчивостью впитывал знания. «Мое сближение с Чоканом началось со страсти к чтению, к путешествиям и географии степи, некоторые части которой были еще неизвестны, — вспоминал впоследствии Григорий Потанин. — Для меня было большим счастьем, когда начальство разрешило Чокану брать книги из Фундаментальной библиотеки. Это в нашем развитии была целая эпоха, когда Чокан принес из недоступного книгохранилища «Путешествие Палласа» и «Дневные записки Рычкова»! Толщина книг, их формат, старин-

ная печать и затхлость бумаги — как это было удивительно, необыкновенно, полно поэзией старины! С увлечением мы читали Палласа, особенно те страницы, в которых описывались родные для нас места» [2, с.355].

По воскресеньям кадет отпускали в город. У Чокана не было родных в Омске, но его охотно приглашали к себе ценители редкостных способностей юного чингизида. Дружба с председателем Областного правления сибирских киргизов Гутковским предопределила будущую профессию Чокана. Карл Казимирович Гутковский, выпускник военной академии Генерального штаба, был военным разведчиком. В дальнейшем именно полковник Гутковский продвигал Валиханова по службе в разведке.

За шесть лет учебы Чокан совершил невероятный скачок. Уже в 1852 году, в стенах кадетского корпуса, он написал первые свои научные работы. Исследовательский дух полностью владел его существом. Спустя годы Григорий Потанин писал: «Однажды группа кадет стояла у задних ворот корпусного двора, выходящих на Иртыш. На противоположном берегу расстилась степь. Чувствовалось, что находишься у ворот в среднеазиатские пустыни. Чокан стоял в группе и развивал свою поразившую тогда всех мечту: может быть, он проникнет в эту степь до южных пределов, где начинается загадочный Китай. Сколько он вывезет новостей из terra incognita, которая чуть не у самого забора корпуса начинается» [2, с.356].

Мечта Чокана стала явью очень скоро. После выхода из кадетского корпуса он служил какое-то время при генерал-губернаторе, но уже в 1853 году был включен в состав военно-научной экспедиции по Семиречью. Корнет Валиханов оказался незаменимым в этом походе. Он лучше других офицеров знал традиции и культуру казахов, свободно владел не только казахским, но и другими тюркскими языками. Поэтому его, несмотря на молодость, без колебаний включали в последующие экспедиции в Центральный и Восточный Казахстан, на Иссык-Куль. В 21 год Чокан Валиханов уже поручик. Его научные

работы, дневники и отчеты дышат свежестью и оригинальностью. Он наблюдателен в деталях, точен в аналитике, блистателен в стиле изложения.

В 1856 году Чокана отправили в Кульджу с дипломатической миссией. Он должен был провести переговоры с китайскими властями о налаживании двусторонних отношений после того, как была сожжена русская фактория в Чугучаке. Поручение было выполнено блестяще. Затем он вновь отправился к иссык-кульским кыргызам, сделал первую научную запись эпоса «Манас» (точнее, его части). 27 февраля 1857 года Чокан Валиханов избран действительным членом Русского географического общества [2, с.101]. Было ему всего 22 года.

Время Чокана

В середине XIX века российское Главное управление Генерального штаба (военная разведка) долгое время вынашивало план — направить человека в Кашгар с целью прояснить обстановку: кто правит в Восточном Туркестане, насколько силен режим, каковы позиции китайцев среди уйгурского населения. И едва ли не самое главное: наблюдается ли в Кашгаре присутствие англичан. Там, за Тянь-Шанем и Алтаем, российским стратегам чудилась тень Британской империи, настоящего соперника, с которым можно делить континенты. Дело сдерживалось малым: не было подходящего человека. Но когда Чокан Валиханов успешно провел ряд экспедиций, стало ясно: нужный человек есть.

Идею поручить поездку в Кашгар Чокану подал П.П. Семенов-Тянь-Шанский [2, с.242]. И уже летом 1857 года Министерство иностранных дел приняло постановление «Об отправлении в Кашгар поручика султана Чокана Валиханова». Специально для выполнения секретной миссии был снаряжен в Семипалатинске торговый караван. Чокан присоединился к каравану в июне 1858 года у подножья хребта Карамола в тридцати верстах от Капала. Он шел в Кашгар, обрив голову, под именем Алимбая, родственника караван-баши.

Пройдя Или, долину Кегеня, Каркару, где

караван Чокана, кочуя с казахами и кыргызами, закупил четыре тысячи баранов, экспедиция вышла на плато Санташ — горный проход на Иссык-Куль. Миновав озеро с юга, караван с большими трудностями через ущелье Зауке вышел на сырты в верховьях Нарына. Сбылась мечта Чокана: он ступил на вождленную terra incognita. Осенью 1858 года он вошел в пределы Китайской империи.

1 октября караван вступил в Кашгар. Обстановка оказалась не самой приятной. Чокан писал в отчете: «Дорога к воротам устлана была жердями, в виде аллеи, и украшена висящими клетками с головами преступников, казненных после восстания 1857 года... Один европеец, выдавший себя за английского агента для большей безопасности, как он думал, был казнен ходжой за то, что бумаги его не подтвердили этого, и голова поступила в пирамиду. Европеец этот был, по всем вероятностям, знаменитый прусский ученый Шлагинтейт» [3, с.220].

В Кашгаре Чокан тайно составил карту Восточного Туркестана, схематические планы окрестностей Кашгара и Яркенда, план путей из Яркенда в Янисар и Кашмир. Он познакомился с купцами из разных стран, с политическими деятелями Кашгара, от которых услышал много полезных сведений. Свой уйгурский язык Чокан усовершенствовал так, что писал на уйгурском. Он приобрел ряд уникальных восточных рукописей, имеющих и в наше время научную ценность. Словом, действовал, как ученый, не забывая о том, что он разведчик.

В Кашгаре Чокан оказался женатым, как приезжий купец, которому полагается, по местному закону, временно жениться на кашгарке. Сам Чокан объяснил это так: «В Кашгаре существует обычай, по которому все иностранцы на время пребывания вступают во временный брак. Брак совершается по форме, и от жениха требуется только одевать и кормить жену. Чтобы не выходить из общего порядка и по настоянию наших знакомых, мы должны были также подчиниться этому обычаю» [3, с.69].

В конце января через купцов, только что

прибывших из Семипалатинска, прошел слух, что при караване Чокана есть русский агент. Над ним нависла смертельная опасность. Пойманного разведчика без разговоров лишили бы головы. Чокан решил, что он сделал все, что требовалось по заданию Генштаба. Он выяснил главное: китайские власти как огня боятся влияния русских, даже больше, чем англичан.

Чокан оставил подозрительных кашгарцев и пустился в обратный путь. 12 апреля 1859 года он вернулся в укрепление Верное, добыв все нужные сведения о политической, социальной и экономической ситуации в Кашгаре. Осенью в Санкт-Петербурге ученые чествовали Чокана Валиханова как отважного путешественника. Чокан был немедленно переведен в чин штабс-ротмистра, ему были пожалованы орден и денежная награда. Его отчеты и кашгарский дневник составили отдельный том, а капитальный труд «О состоянии Алтышара или шести городов Китайской провинции Нан-Лу» увенчал увлекательное и опасное путешествие.

Смятение Чокана

После Кашгара какое-то время Чокан работал при Генштабе в Санкт-Петербурге. «Любил он представлять из себя делового человека, — писал его друг, публицист Ядринцев, — но скорее рисовался. На Невский в известный час он выходил гулять непременно с портфелем. На самом деле он вел весьма рассеянную жизнь, как я заметил, и рядом с интеллигентностью в нем был лоск и шик гвардейского офицера» [4, с.95]. Но весной 1861 года Чокан возвратился из Петербурга в казахскую степь. Возвращение было, можно сказать, триумфальным. По словам Ишмурата Ибрагимова, земляка и друга Чокана по кадетскому корпусу, «верховых казахов, собравшихся посмотреть на молодого султана, возвратившегося от белого царя, было видимо-невидимо. Он приехал в аул отца, сопровождаемый массой казахов, которые всякий час давали знать отцу о приближении его сына в аул» [2, с.413].

Существуют разные версии о причинах отъезда из Петербурга, наиболее популяр-

ная — тяжелая болезнь Чокана, чахотка. Но в нее трудно поверить, потому что эта версия появилась спустя два десятилетия после смерти Чокана. На самом деле он возвращался из Петербурга в полном смятении. Он еще не растерял свой природный оптимизм, наблюдательность, по-прежнему иронично изучая и описывая изменчивый мир. Но тревога, на первый взгляд, беспричинная, стала все чаще владеть мыслями. Уже прошло то время, когда Чокан считал себя русским, о тюрьмах говорил, что «они до крайности тупы и не способны ни к какой деятельности» [4, с.295]. И это была не просто угода читающей публике, а образ мышления, одно время полностью владевший им. Но внезапно он ощутил разлад в душе, осознав беззащитность и беспомощность степной культуры перед городской цивилизацией. «В Европе до сих пор господствует ложное понятие, представляющее кочевые племена в виде свирепых орд и беспорядочных дикарей, — писал Чокан в одной из своих работ. — Между тем большая часть этих варваров имеет свою литературу и сказания — письменные или устные. Степной ордынец стоит морально, по своим умственным способностям, гораздо выше оседлого простолюдина... Так не лучше ли было оставить киргиз так, как они были прежде. Природные их таланты — устойчивость, их живой ум — в своей деятельности находят гранитный оплот в вере» [4, с.303].

Наверное, лучше других понял Чокана Ядринцев, который заключил, что «это первая судьба инородца, испившего чашу цивилизации, получившего образование, под конец опять возвратившегося к своим пенатам и сородичам, как бы испугавшись этой цивилизации. В этом разочаровании после ослепительного блеска, в этой боязни и трепете инородца вообще за судьбу своей народности сказывается недоверие, опасение инородца к чужой культуре и всплывшее чувство самосохранения» [4, с.98].

Именно это безраздельное ощущение раздвоенности существования и внезапная тоска по кочевой жизни вернули Чокана в степь. Ишмурат Ибрагимов писал: «Чокан вечера в ауле отца просиживал долго, слушая пение и

рассказы казахов. Вставал поздно, пил кумыс, чаю не пил, ел вареную баранину с соусом и копченую конину. В услужении матери Чокана была жена тюленгута, который построил в конце аула свою кибитку и жил там. Эта служанка по утрам начала приносить в чашке, налитой самой султаншей, кумыс Чокану. Вот тут Чокан мало-помалу влюбился в эту служанку и, часто просыпаясь рано, ожидал ее появления. Умная мать очень скоро заметила, что женщина, отправляясь к нему, начала надолго пропадать, и она сразу запретила ей бывать у Чокана» [2, с.414].

Вот так пришла к нему любовь в облици простой служанки, которую звали Жадыра. Женщину с мужем немедленно удалили из аула. Но Чокан заявил потрясенным родителям, что он разведет ее и женится на ней. Султан Чингис пригрозил, что если Чокан соберется ехать вслед за служанкой, то он не выпустит его живым из аула.

Чокан покинул аул отца, чтобы не вернуться никогда. Он поехал в Кокчетав, куда его брат Якуб доставил возлюбленную Жадыру. Ее муж написал жалобу в Кокчетавский окружной приказ, где немедленно завели дело «О насильственном отобрании жены купца Малтабарова сыном старшего султана Валиханова». Чокан даже искал защиты у Гутковского, привирая в письме-жалобе факты: «Надеюсь, что Вы, Карл Казимирович, защитите меня от преследований. Я жену у этого киргиза не отбирал. Малтабаров сам уведомил меня, что желает развестись с женой... Было бы несправедливо отдать обратно этому негодяю женщину» [2, с.155].

По словам все того же Ибрагимова, «женщина эта жила некоторое время у Чокана в доме, спала с ним в одной комнате, но потом Чокан почему-то остался ею недоволен, и она уехала в аул его отца» [2, с.416].

*Памятник Ч. Валиханову и Ф. Достоевскому
г. Семипалатинск.*

Одиночество Чокана

Пережив проблемы личной жизни, Чокан переключился на общественно-политическую стезю. Он создал «Записки о судебной реформе», одно из самых глубоких своих произведений. Он написал «Записки...» настолько точно и честно, отстаивая традиционный суд биев, так саркастично раскритиковал работу русской администрации, что заказчик, генерал-губернатор Дюгамель, спрятал работу под сукно. И тогда Чокан выставил свою кандидатуру на должность старшего султана, надеясь на практике реализовать предложенные им реформы. Это был вызов.

«Любезный друг, Федор Михайлович, — писал Чокан своему старшему товарищу Достоевскому, — я думал как-то сделаться султаном, чтобы посвятить себя на пользу соотечественников, защищать их от чиновников и деспотизма богатых киргизов. С этой целью я согласился быть выбранным в старшие султаны Атбасарского округа. На выборах меня выбирают большинством голосов. Но противник мой, человек неграмотный и бывший не раз под судом, по опыту знает, что деньгами можно сделать все. Деньги идут в Омск. Вдруг получаю известие от Гутковского, что генерал-губернатор не хочет меня ни за что утверждать» [2, с.150].

О Чокане Валиханове принято писать: его судьба трагична. Не в том ли трагедия, что, вернувшись в аул, он глубже ощутил в себе разрушение духовной связи с народом, ту двойственность существования, которая всегда выливается в сознание необратимого одиночества? Казалось бы, его обновленному взгляду открываются новые горизонты, но он не находит понимания у родных, терпит сокрушительное поражение на выборах в султаны. С невыносимой болью и грустью Чокан вынужден был признать, что блага цивилизации, меняя кочевой уклад жизни в степи, способны разрушить хрупкое единство народа, обесценить достояния кочевой культуры. Последовавшая затем смерть может показаться в этой связи роковой и предопределенной, как бы поставившей итог его исканиям и потерям. Однако это ощущение нуждается в существенном уточнении.

В конце 1863 года Главное управление Генерального штаба и Министерство иностранных дел, в Азиатском департаменте которого состоял штабс-ротмистр Валиханов, затеяли тяжбу: кто из них должен платить жалованье штабс-ротмистру Валиханову. Было очевидно, что оба ведомства желали избавиться от него. При этом Генштаб, с туманной ссылкой на состояние здоровья Чокана, рекомендовал ему перейти в распоряжении командующего войсками Западной Сибири. По сути, это был приказ. Чокан был вынужден перейти из разведки на армейскую службу. Было очевидно, что он в опале. Поутихла всеобщая любовь, несколько ажиотажная. Власти настороженно приглядывались к ханскому потомку, отмеченному печатью гениальности, уже показавшему свои амбиции. Он так напористо избирался в старшие султаны, что пришлось его придержать. У российской администрации в памяти мятежный хан Кене, Кенесары Касымов, казахский Пугачев, напугавший русских правителей своим восстанием. К чему в степи еще один претендент на ханскую власть?

Наступил последний, тридцатый год жизни Чокана Валиханова. Самый загадочный, самый трагический. Весной 1864 года он принял участие в военной экспедиции генера-

ла Черняева. Перед генералом стояла задача присоединить южную часть казахских степей к России. Штабс-ротмистр Валиханов должен был налаживать мирные переговоры с местным населением. Но уже при взятии Аулие-Ата произошло роковое событие в судьбе Чокана. Крепость Аулие-Ата (ныне это город Тараз) была населена казахами, но находилась под властью Коканда. Генерал Черняев приказал выстроить перед крепостными воротами пушки. Штабс-ротмистр Валиханов посчитал кровопролитие излишним. Он стал настойчиво уговаривать Черняева не стрелять из пушек. Черняев резко осадил поручика. Залп прозвучал. Кровь пролилась. Черняев победоносно взял Аулие-Ата, чтобы идти дальше на Ташкент.

Возмущение оскорбленного Чокана и чувство сострадания к поверженным сородичам нашли неожиданный выход. В неизъяснимом порыве чувств Чокан покинул военную экспедицию. Это был вызов армии, вызов империи! В этом демарше, наверное, выплеснулась вся обида на родную разведку.

Чокан в изгнании

Выехав из расположения войск Черняева, Валиханов возвратился в Верный. Оставление части однозначно должно было быть расценено как дезертирство, и Чокан стал срочно искать для себя выход из неприятной ситуации. Осенью 1864 года он встретился в Верном с генерал-губернатором Колпаковским. Пятидесятидвухлетний Герасим Колпаковский, превосходный военачальник и администратор, не только завершил в начале шестидесятых годов девятнадцатого века присоединение Семиречья к России, но прокладывал в степи дороги, создавал населенные пункты, привлекал подчиненных к описанию памятников древности. Колпаковский — последняя надежда Чокана. Трудно установить, в какой мере генерал-губернатор исполнял решение Генштаба, когда он отправил Чокана в Семиречье с заданием собирать и доставлять сведения о разгорающемся восстании дунган в Кульдже против китайского правления. Как бы то ни было, по совету Колпаковского

Чокан выезжал в Алтын-Эмель, в аул Тезека, старшего султана казахов рода албан, поближе к границе с Китаем.

Хитроумный Тезек-торе пользовался безусловным доверием русской администрации. За содействие переходу казахов старшего жуза под власть Российской империи он уже получил звание полковника. Чокан в своих экспедициях на Иссык-Куль, в Кульджу и Кашгар всегда останавливался у Тезека, который, по сути, выполнял работу резидента русской разведки. Теперь в ауле Тезека Чокан собирал сведения о событиях в Кульдже, посылал донесения Колпаковскому и ждал решения своей судьбы. Несмотря на присутствие представленных к нему двух слуг (а может, именно поэтому), Чокан терпит нужду, тяжело страдая от непонятной болезни. Но он все еще надеется на благополучное будущее. Переписка с Колпаковским подогревает надежду.

Из письма Колпаковскому от 19 февраля 1865 года: «Ваше превосходительство, милостивый государь, Герасим Алексеевич! Сегодня получил два ваших письма и, не поверите, как им обрадовался. Я полагал, что не рассердил ли Вас чем-нибудь. Сообщить теперь Вам те сведения, которые вы пишете, я не мог. Тезека здесь нет, он с табуном своим на Чилике. Сам я сильно болен — когда вы уезжали, болела грудь и горло. Между тем, теперь грудь поправилась, но горло разболелось так, что едва могу глотать пищу, голос совершенно спал. Я отдал себя в руки киргизского врача — невежды, который поит бог знает чем. Все-таки это лучше, чем умирать сложа руки. Предложение Ваше состоять при Вашем распоряжении я принимаю с полным удовольствием, но вместе с тем прошу у Вас в счет жалованья прислать мне рублей сто серебряной мелкой монетой» [2, с. 174].

Находясь в изгнании, Чокан слал одно за другим отчаянные письма Колпаковскому, продолжая считать себя разведчиком. Возникает вопрос, почему генерал Колпаковский так и не помог Чокану, не сделал ничего, чтобы спасти его от непонятной смертельной болезни. Спустя 22 года Колпаковский назвал кульджинские отчеты Валиханова частными

письмами [2, с. 220], хотя лично дал ему задание отправиться в Алтын-Эмель. То есть *post-factum* Генштаб отрекся от своего офицера-разведчика.

Не имея средств к существованию, Чокан женился на сестре Тезека Айсары. Странная это была женитьба. Иначе, как нуждой и безысходностью, сей поступок не объяснить. Сведений о жене Чокана мало. Ишмурат Ибрагимов впоследствии писал: «Чокан уехал в Большую орду, там женился на сестре полковника Тезека и умер в его ауле в 1865 году. Она была некрасивая, но умная женщина» [2, с. 416]. Как все просто! В три строчки уместилась история любви и смерти. О счастье — ни слова. Потому что Чокан не был понят ни на родине, ни на чужбине. Не имел сына. Не увидел своих книг. Не дожил до тридцати лет. Не успел...

Загадка Чокана

Чахотку, то есть туберкулез, принято считать причиной смерти Чокана. Он часто упоминал в письмах о своих недомоганиях, но о чахотке в его текстах — ни слова! При его жизни о чахотке вообще не упоминал никто. Эта версия стала активно продавливаться в печати лишь после кончины Чокана. Сначала о смерти от чахотки обмолвился один из его друзей, состоявший, как и многие другие исследователи Азии, при Генштабе. И все подхватили эту подозрительно краткую, полную недомолвок историю о смерти от банального туберкулеза. Тогда же появилась фраза о том, что на здоровье Чокана дурно повлияла жизнь в каменных стенах Омского кадетского корпуса. Будто из него выходили одни чахоточные. Все это похоже на операцию по дезинформации. И операция удалась.

Так отчего умер Чокан? Самую большую загадку — загадку своей смерти — он не разгадал и сам. Можно ли доказать, что его смерть была насильственной? Пожалуй, вряд ли. Нужно раскрывать архивы российской военной разведки, что практически невозможно. Тем не менее, косвенные факты указывают на то, что Чокан, возможно, был отравлен. Он умер в степи, в юрте, от которой намерен-

но откочевал султан Тезек, бросив зятя умирать одного. Никто из русских чиновников, военных, знаменитых путешественников не пришел на помощь к умирающему Чокану, хотя он взывал о помощи, посылая в Семипалатинск и Омск письма с описанием своих мучений. Чокана схоронили тайно. Никто из врачей не констатировал смерть. К его могиле долгое время не пускали родственников.

Похоже, он уже был просто не нужен империи, которая опасалась потворствовать амбициям молодого султана. Он уже не нужен был родной разведке. Он оказался не нужен своему народу. Он был обречен...

Он был очень красивым, мужественным человеком. Мужеству его учили с рождения, как ак сук — белую кость. Мужеством дышало врожденное стремление быть первым. Мужество единственно поддерживало его душу и разум в начертанном судьбой вечном одиночестве: в двенадцать лет на учебе вдали от родных мест, в тайных путешествиях во враждебные края, один на один перед лицом смерти. И это мужество понадобилось ему, когда он лежал беспомощный на кошке в юрте, изводя себя вопросом: почему? Этот вопрос застыл стужею посреди строк последнего письма Чокана: «Дорогой отец... Я устал, нет никакой силы, весь высох, остались одни кости, скоро не увижу света. Мне больше не суждено повидаваться с моими дорогими родными и друзьями, нет для этого никаких средств. Это будет мое последнее письмо. Приезжайте в Жетысу, увезите к себе мою бедную Айсары, не оставьте ее без внимания и заботы. Прощайте, обнимаю всех» [4, с.65].

Такого чистого таланта, как Чокан, больше не было в казахской истории. Он по-детски мечтал жить в царской роскоши, как подобало ему по крови. И при первой возможности сооружал себе помпезные интерьеры, гонял денщиков и слуг, пил шампанское, сибаритствовал, глядел на мир свысока. Но всякий раз Чокан возвращался в степь, где жил скромно и просто. Любил подтрунивать над собой. Ездил верхом или в простой бричке. Спал в юрте или под открытым небом. И работал без устали, чтобы оставить после себя неповторимые

тексты, с изяществом, присущим королевской крови, воплощая извечный внутренний конфликт между стремлением к роскоши и духом творчества. Но он так и не смог преодолеть профессионального отчуждения, неизбежного в судьбе разведчика. Он разрывался меж двух берегов реки — между казахской степью и русской стороной. Он не был человеком с холодным рассудком и каменным сердцем. Он всегда жил, повинаясь чувствам, как настоящий казах. Прислушивался к сердцу, искал выход в мыслях, страданиях, тревогах, и поступал так, как велели чувства.

Душевные терзания не оставили Чокану выхода. Он ушел непоправимо рано. Однако Чокан сегодня интересен не меньше, чем сто пятьдесят лет назад. Его тексты, его судьба — подлинное откровение. Он словно обрушивает на нас поток идей и знаний всей мощью слова и мысли. Чокан поражает, изумляет, чарует, ошеломляет — что ни глагол, то отпечаток интеллектуального потрясения.

Во всем этом есть некая тайна, делающая притягательным образ Чокана спустя века. И мы подвержены сомнениям, которыми жил Чокан. И мы, мучаясь, ищем ответы на вопросы, которые ставил себе Чокан. Все идет так, как если бы Чокан жил среди нас, рассуждая о народах и ханах, о вере, о рождении и смерти, о правлении в степи, о пороках и добродетелях человеческих. Мы просто видим свое отражение в его пламенной судьбе.

Тропою Чокана

Туристы (а их немало), желающие пройти по маршрутам Чокана Валиханова, оказываются в большом затруднении. Места пребывания путешественника Валиханова захватывают пол-Казахстана, пол-Киргизии и восточную часть Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая.

Если говорить о мемориальных объектах, то в первую очередь нужно упомянуть музей Чокана Валиханова в Сырымбете, в бывшей Кокчетавской области, в родовых местах семейства Валихановых. Менее примечателен, пожалуй, музей в Кушмуруне в той же области. Но, возможно, самым интересным

для туристов окажется музей Достоевского в Семипалатинске, в котором обширно представлены материалы не только касающиеся примечательной во всех отношениях дружбы великого русского писателя и казахстанского путешественника, но и о самом Чокане Валиханове. Музей Достоевского, созданный еще в советское время с помощью ленинградских ученых и дизайнеров, находится в центре Семипалатинска, у его входа — бронзовый памятник беседующих Достоевского и Валиханова.

Отсюда, из Семипалатинска, начинают обычно свой путь те любители исторических путешествий, которые хотят повторить маршрут Чокана в Кашгар. На Алматинской трассе в 250 километрах от Семипалатинска расположен районный центр Аягоз, в 30 верстах от которого находится знаменитый кумбез (куполообразное надгробье) Козыкорпеша и Баян-сулу, легендарных влюбленных, воспетых в народных поэмах. Кумбез не один раз был описан Чоканом Валихановым.

Южнее Талдыкоргана, в Кербулакском районе, в селе Чокан находится самый крупный в Казахстане музей Чокана Валиханова. Причина местонахождения музея понятна — здесь, в Алтын-Эмеле, скончался Чокан. Могила его находится в 15 километрах от села Чокан. Найти ее непросто. Пустынная дорога, петляя меж холмов, выводит к неприметной с виду карагачевой рощице. Здесь и расположена могила Чокана. Камень, установленный генерал-губернатором Герасимом Колпаковским, пожалуй, единственная впечатляющая подробность. А так — ничего величественного. Все скромно и просто, и очень точно передает сущность личности Чокана.

Отсюда, из Алтын-Эмеля, можно уйти на юго-восток, к районному центру Кегень, через который легко добраться до границы с Киргизией. Таможенный пост с этой стороны Иссык-Куля не столь загружен, как посты на западных участках границы с дружественным

государством.

Почти сразу за постом — плато Санташ, горный проход на Иссык-Куль. Чокан с увлечением описал в свое время курган Санташ, который, по преданию, сложили воины Есим-хана, уходя в далекий поход. Эту легенду переделал на свой лад Тимур Бекмамбетов, создавая в свое время рекламный ролик банка «Империал». Высота кургана — метра 4-5, площадь — 40 на 30 метров. Это совершенно немыслимое, потрясающее воображение нагромождение камней, каждый из которых размером с человеческую голову. Рациональному объяснению сооружение не поддается. Современный человек за такую стройку, конечно, не взялся бы никогда.

За Санташем — поселок Тюп, южнее — город Каракол (бывший Пржевальск). Объехав Иссык-Куль с юга, можно подняться на исторический перевал Зауке, по которому Чокан с караваном ушел в Кашгар. На этом пути можно обнаружить много исторических артефактов — древние наскальные изображения (петроглифы), надписи на камнях пятивековой давности, кумбезы и балбалы. Но чтобы пройти дальше по маршруту Чокана, лучше проехать на запад за город Иссык-Куль (бывший Рыбачий) и уйти на юг по трассе в сторону областного центра Нарына. За Нарыном тянется на 80 километров Атбашинский хребет, вдоль которого шел караван Чокана. В одной из широких расщелин хребта находится знаменитый каменный караван-сарай — Ташрабат, превращенный ныне в музей. Долина Ташрабата — одно из самых живописных мест на кашгарском маршруте Чокана. Пройдя Ташрабат, Чокан вышел с караваном к границе с Китаем и спустился в Кашгар. На обратном пути он миновал высокогорное озеро Чатырколь, которое описал весьма обстоятельно. На Чатырколь сегодня вас могут не пустить киргизские пограничники, если вы не получите заблаговременно разрешение на проезд в таможенном комитете в Нарыне.

дакция Казахской советской энциклопедии, 1985. Т. 5.

Литература

1. Шаяхмет А. Где он родился? // Казахстанская правда. 2005. 28 октября.
2. Валиханов Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата: Гл. ре-

3. Валиханов Ч. Собрание сочинений. Т. 3.
4. Валиханов Ч. Собрание сочинений. Т. 1.